

Центробежная сила: краеведение на окраинах Ленинграда в 1920–1930-е годы

Екатерина Мельникова

Современный процесс регионализации, заметный в различных областях культуры, обусловил новый всплеск краеведческой активности, а также интерес к истории отечественного краеведения. Обращение к истории местных краеведческих обществ, музеев и судьбе отдельных краеведов стало одной из форм конструирования локальной историографии, в контексте которой современные краеведы выступают как преемники традиции конца XIX в. и общественного движения 1920-х гг. Абсолютное большинство таких работ проводится в городах, история которых тесно связана с изучаемыми краеведческими центрами. Основное место среди работ по истории краеведческих обществ занимают исследования, посвящённые 1920-м гг. – «золотому десятилетию» краеведения, по формулировке С.О. Шмидта¹. Именно в это время становится популярным сам термин «краеведение», проходит I Всероссийская конференция научных обществ по изучению местного края (1921), под эгидой Академии наук создаётся Центральное бюро краеведения (1923), после чего по всей России стремительно расширяется сеть краеведческих организаций². В рамках региональных историографий «золотое десятилетие» выполняет роль «золотого века», воплощающего наиболее значимые для современной краеведческой идентичности символические черты этого движения: его общественный характер, независимость от государства, оппозиционность советскому режиму, подвижничество и патриотизм.

Сложившийся к настоящему времени историографический канон, неотъемлемой составляющей которого является идеализация краеведения 1920–1930-х гг., восходит к публикациями С.О. Шмидта и Д.С. Лихачева, обосновывавшим актуальность краеведения в современной России и его значение для развития патриотизма. Знаменитые слова Лихачёва о том, что «любовь к родному краю, знание его истории – основа, на которой только и может осуществляться рост

© 2013 г. Е.А. Мельникова

¹ Шмидт С.О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество. Краеведческий альманах. 1990. № 1. С. 11–27.

² О краеведческом движении 1920–1930-х гг. см.: Шмидт С.О. Краеведение и документальные памятники. Тверь, 1992; Филимонов С.Б. Краеведческие организации Европейской России и документальные памятники (1917–1929 гг.). М., 1991; Johnson E. How St. Petersburg Learned to Study Itself: the Russian Idea of Kraevedenie. University Park, 2006; Коткин С. О краеведении и его методологии // Методология региональных исторических исследований. СПб., 2000. С. 16–22; Лоскутова М.В. Уездные учёные: самоорганизация научной общественности в российской провинции во второй половине XIX – первые десятилетия XX века // Ab Imperio. 2009. № 3. С. 119–169; она же. Академия наук и краеведческое движение первой четверти XX в. // Академия наук в истории культуры России в XVIII–XX вв. СПб., 2010. С. 645–677; она же. «Наука областного масштаба»: идея естественных районов в российской географии и истоки краеведческого движения 1920-х гг. // Ab Imperio. 2011. № 2. С. 83–121.

духовной культуры всего общества»³, стали девизом многих работ, посвящённых отечественному краеведению. В соответствии с этой моделью краеведческое движение описывается как одна из основ национальной культуры, а его историография превращается в перечень достижений. Трагическая судьба краеведов, ставших в 1930-е гг. объектом массовых репрессий, стала рассматриваться как определяющая для краеведческого движения в целом: краеведение 1920-е гг. интерпретируется как «своеобразный заслон на пути вульгарно-классового подхода к истории»⁴, 1930-е гг. считаются периодом его полного разгрома, а возрождение движения в 1960-х гг. описывается в терминах массового развития патриотических инициатив «снизу».

Не ставя под сомнение заслуги краеведческих организаций и трагическую судьбу краеведов 1930-х гг., нельзя не отметить серьёзные недостатки этой модели. Идеализация краеведения приводит к тому, что для его изучения отбираются материалы, призванные подчеркнуть героический характер краеведов и их деятельности, в то время как источники о повседневной, рутинной работе обществ и музеев обычно оставляются без внимания. По этой причине в публикациях 1990–2000-х гг. мы редко встречаем материалы о взаимоотношениях краеведов между собой, конфликтах, противоречиях, взаимодействии с советскими властями и способах сосуществования с постоянно меняющейся системой администрирования и идеологического контроля. В работах «героического» направления краеведение выступает в качестве монолитного и гомогенного движения учёных, руководствующихся в своей работе стройной и непротиворечивой системой ценностей и преследующих не менее определённые и ясные цели. Между тем ни в области идеологии, рупором которой можно было бы считать издававшиеся в 1920-х гг. журналы «Краеведение» и «Известия Центрального бюро краеведения», ни тем более в сфере практики краеведение не было единым. Теоретическая полемика, которая велась на страницах краеведческих изданий, далеко не всегда определяла конкретную работу краеведческих обществ. Расхождение декларируемых целей и реальных практик заставляло руководителей общественных организаций искать собственные модели существования, зависевшие, как правило, от частных условий, а не общих методологических установок.

Вместе с тем в целой серии недавних исследований намечается пересмотр этих устоявшихся мифологем. Э. Джонсон в своей книге определяет краеведение как один из вариантов «identity discipline» – научной дисциплины, непосредственно связанной с идентичностью самих исследователей. Принципиальным для краеведения, как пишет Джонсон, оказываются не методы и предмет изучения, а прочное самоотождествление учёного с предметом исследования, приводящее к тому, что «исследователи подчас рассматривают свои занятия наукой лишь как одну из сторон борьбы за те или иные политические и социальные права, за восстановление справедливости, за самореализацию, за пробуждение самосознания, за защиту от притеснений. В результате научные изыскания легко смыкаются с социальным активизмом»⁵. Джонсон указывает

³ Лихачёв Д.С. Любить родной край // Отечество. Краеведческий альманах. 1990. № 1. С. 7.

⁴ См., например: Шулепникова Е.И. Из опыта преподавания исторического краеведения в 1920-е гг. // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Исторические науки». 2008. № 1. С. 121.

⁵ Цит. по: Лоскутова М.Рец. на кн.: Emily Johnson. How St. Petersburg Learned to Study Itself: The Russian Idea of Kraevedenie // Ab Imperio. 2007. № 1. С. 501.

и на то, что идея утраченного «золотого века» появилась в работах краеведов в 1960-х гг. в качестве опоры для собственной идентичности, в реальности же на «золотое десятилетие» пришёлся не апогей в развитии движения, а его начальная фаза, ведь именно в это время сами понятия «краеведение» и «краевед» стали широко известны.

В работах М.В. Лоскутовой было подвергнуто критике сложившееся представление о монолитности и единстве краеведческого движения. Даже в эпоху своего расцвета «российское краеведение представляло собой поле борьбы самых разных конкурирующих проектов – трактовок, замыслов, поисков новых институциональных форм существования научной деятельности в провинции, взаимодействия “центра” и “периферий” науки»⁶. В. Донован убедительно показала, что реабилитация краеведения в послесталинскую эпоху была не столько отражением «патриотического поворота в позднесоветской культуре», сколько «государственной стратегией, нацеленной на усиление легитимности советского режима в эпоху идеологической реструктуризации»⁷. В одной из своих работ я останавливаюсь на соотношении локального и национального в процессе создания краеведческого языка описания России в 1920–1930-е гг. На мой взгляд, краеведческое знание, демонстративно создававшееся в над- или внеэтнических терминах, как корпус данных о «пространстве», а не «народе», на деле было тесно связано с национальными движениями и составляло важный элемент национального строительства в первые годы советской власти⁸.

Ленинградское краеведение 1920–1930-х гг. традиционно ассоциируется с именами видных деятелей Петроградского Экскурсионного института (1921–1924) Ивана Михайловича Гревса и Николая Павловича Анциферова. Их работы по изучению города признаны образцами краеведческого исследования, а их биографии во многом определили современную периодизацию истории краеведения в СССР. Однако, как показала Джонсон, представление о том, что лидеры Экскурсионного института были идейными вдохновителями краеведения, является анахронизмом, по крайней мере, применительно ко времени возникновения самого движения: создание Центрального Бюро краеведения (ЦБК) и сети краеведческих организаций в начале 1920-х гг. было воспринято сотрудниками института без особого энтузиазма, и никто из них не спешил отождествлять собственную работу с краеведческой⁹. И Гревс, и Анциферов стали членами ЦБК только после закрытия института в 1924 г. С другой стороны, сейчас примерами краеведческого описания считаются работы Анциферова, посвящённые старому Петербургу, тогда как краеведческие общества Петрограда–Ленинграда 1920-х гг. старательно избегали наиболее знаменитых районов города – его центральной части и дворцовых пригородов, выбирая в качестве территории своей деятельности по преимуществу городские окраины¹⁰.

⁶ Лоскутова М.В. Уездные учёные... С. 169.

⁷ Донован В. «Идя назад, шагаем вперёд»: краеведческие музеи и создание местной памяти в Северо-Западном регионе. 1956–1981 // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 399.

⁸ Мельникова Е.А. «Сближались народы края, представителем которого являюсь я»: краеведческое движение 1920–30-х годов и советская национальная политика // Ab Imperio. 2012. № 1. С. 209–240.

⁹ Johnson E. Op. cit. P. 155–156.

¹⁰ Ibid. P. 162.

Данная статья посвящена одному из ленинградских краеведческих обществ и тому, как на протяжении 1920–1930-х гг. менялся объект его деятельности.

В марте 1916 г. при Коммерческом училище возник кружок по изучению Лесного¹¹, преобразованный в 1922 г. в Общество по изучению Лесного (далее – Общество). В 1923 г. оно вошло в права отделения (далее – Отделение) в общество «Старый Петербург», а 3 января 1927 г. вышло из него, став сначала отделением Ленинградского общества изучения местного края (ЛОИМК) на Финско-Ладожском перешейке, а в 1928 г. – отделением Ленинградского окружного общества краеведения (ЛООК). С 1930 г. и вплоть до ликвидации в 1937 г. Общество было самостоятельным. Его работа не составляла конкуренции ни Экскурсионному институту, ни обществу «Старый Петербург», поскольку с середины 1920-х гг. район его деятельности был полностью выведен за пределы города. Одновременно с изменением географии исследований изменилась и сфера деятельности Общества, и эта трансформация свидетельствует об особенностях понимания предмета краеведческой работы как членами Общества, так и представителями тех организаций, с которыми ему приходилось иметь дело. В многочисленных письмах поддержки оно определялось как «типичное краеведческое учреждение»¹². «Отделение сильно разрастается, – писал в середине 1920-х гг. его руководитель С.А. Безбах, – и, по-видимому, развернётся в сильную организацию, единственную пока в Ленинграде, т.е. в других районах города до сих пор не удаётся создать подобные отделения Общества»¹³.

С.Е. Глезеров подробно описал обстоятельства возникновения кружка и общую атмосферу «русского Кембриджа» – пространства Лесного, интеллектуальная среда которого определялась расположенными там Лесным и Политехническим институтами¹⁴. Профессора обоих высших образовательных учреждений принимали также активное участие в организации и работе коммерческого училища, открытого в 1904 г.¹⁵ Создание кружка по изучению Лесного было связано с именами его преподавателей, известных уже в те годы специалистов: М.Я. Рудинского, М.К. Азадовского, В.А. Трофимова, Д.Н. Кайгородова. За исключением Кайгородова – ведущего российского специалиста-фенолога, профессора Лесного института – все идеологи кружка были гуманитариями. Рудинский закончил историко-филологический факультет Харьковского университета и занимался археологическими исследованиями, Азадовский был членом редакционной комиссии Отделения этнографии Русского географического общества и постоянно участвовал в фольклорных

¹¹ Лесной – обширная местность вокруг Лесного института (с 1837 г. – Лесного корпуса), с середины XIX в. – популярное место дачного строительства. Значение Лесного выросло после открытия здесь в 1902 г. Политехнического института (основан в 1899 г.). В 1920–1930-х гг. – один из быстро растущих пригородов.

¹² Центральный Государственный архив литературы и искусства в Санкт-Петербурге (далее – ЦГАЛИ), ф. 296, оп. 1, д. 4, л. 213.

¹³ Там же, д. 15, л. 235.

¹⁴ Глезеров С.Е. К истории краеведческого движения в Лесном // Невский архив. СПб., 2001. Вып. 5. С. 232–237; *он же*. Лесной, Гражданка, Ручьи, Удельная... СПб., 2006. С. 27–46, 65–71, 269–271. Воспоминания о Лесном см.: Глезеров С.Е. Лесной: исчезнувший мир. Очерки петербургского предместья. СПб., 2011; Кобак А.В. Особняки и дачи старого Лесного // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. 1999. Вып. IV. С. 436–455; Кравченко Г.В. Старый Лесной: три адреса моего деда // Нева. 2004. № 10. С. 264–270; *он же*. Лесной и лесновцы. Картины 30-х годов // Нева. 2007. № 8. С. 239–245.

¹⁵ Глезеров С.Е. К истории краеведческого движения... С. 233–234.

экспедициях, Трофимов закончил историко-филологический факультет Петербургского университета и преподавал в коммерческом училище русский язык. Открытие кружка поддержал директор училища Г.Н. Боч, преподававший химию и ботанику¹⁶ и ставший впоследствии неизменным главой Общества и Отделения общества «Старый Петербург» в северных окрестностях. Впрочем, он ограничивался лишь формальным участием в их делах.

Первым руководителем кружка был Рудинский, а после его отъезда на Украину летом 1917 г. краеведческую деятельность возглавил Азадовский. В 1918 г. он также покинул Петроград, став доцентом кафедры литературы Томского университета, а затем руководителем кафедры литературы в Иркутском университете. Трофимова избрали в августе 1917 г. в Лесновскую подрайонную думу, а позднее он возглавил Отдел народного образования Выборгского района. После ухода из кружка руководителей старшего поколения его деятельность возобновилась уже в начале 1920-х гг. силами их учеников, ведущая роль среди которых принадлежала Сергею Александровичу Безбаху. Вплоть до ликвидации Общества в конце 1930-х гг. он был его лидером и занимал на протяжении практически всей истории Общества пост заместителя главы его Президиума. Безбах родился в 1898 г., после окончания школы в 1916 г.¹⁷ поступил в Морское инженерное училище. В 1918–1919 гг. служил в Комиссии здравоохранения, а затем в 1919–1921 гг. – в Красной армии. После войны поступил в Политехнический институт и одновременно начал преподавать в 168-й и 170-й школах Ленинграда. С 1924 г. Безбах также учился в Ленинградском государственном университете, а с 1925 г. был научным сотрудником ЦБК¹⁸.

В документах первой половины 1920-х гг. фигурирует Музей северных окрестностей, игравший важную роль в деятельности и Безбаха, занимавшего пост его хранителя, и всего Общества. До 1921 г. материалы музея хранились в 168-й совтрудошколе, в которую было реорганизовано Лесное коммерческое училище, но после пожара 1921 г. были перевезены в помещение Лесной экскурсионной станции. Здесь же была развёрнута первая выставка музея. Сотрудничество краеведческого общества с экскурсионной станцией в начале 1920-х гг. было вполне естественным. Безбах работал в 1921 г. инструктором-организатором Экскурсионно-выставочного подотдела Петрогубполитпросвета, Г.Н. Боч возглавлял Лесновскую Экскурсионную станцию, а программы работы Общества предполагали в первую очередь проведение экскурсий по району. Однако в 1924–1925 гг. все экскурсионные станции Ленинграда были ликвидированы, а часть материалов музея перевезена обратно в здание 168-й школы.

Состав Общества постоянно менялся: 18 действительных членов и 25 членов-сотрудников в 1924 г.; 3 сотрудника и 14 членов – в 1925 г., 134 – в 1929 г., «около 100 членов и около 20 членов крестьян» в 1930 г. На 1 января 1931 г.

¹⁶ *Титов Б.* Школы Лесного в 1910–1920-е годы. Исследовательская работа ученика 534-й школы. Санкт-Петербург, 2009. Рукопись.

¹⁷ Материалы о юности С.А. Безбаха и его учёбе в школе были найдены Н. Лаврентьевым (*Лаврентьев Н.* Неизвестные факты жизни известного краеведа Лесного Сергея Александровича Безбаха // Доклад на Лесновских чтениях 14 ноября 2009. Рукопись) и опубликованы С.Е. Глезеровым: *Глезеров С.Е.* Эпоху делают детали // Санкт-Петербургские ведомости. 4 декабря 2009 г. № 228. Я благодарю Н. Лаврентьева за любезно предоставленную рукопись доклада.

¹⁸ ЦГАЛИ, ф. 296, оп. 1, д. 4, л. 73–74 об.

в Обществе состояло 64 человека¹⁹. Количественный состав, однако, не является показателем активности его деятельности или популярности. Сам Безбах неоднократно жаловался на то, что «большинство членов активно не участвует в работах, и ведёт всё дело небольшое ядро»²⁰. Резкое увеличение численности Общества к концу 1920-х гг. было связано с вступлением в ряды многих деятелей искусства, а также жителей Карельского (на тот момент Финско-Ладожского) перешейка. Ни те, ни другие не участвовали в организационной работе.

Финансовое обеспечение Отделения должно было складываться из разных источников. В начале 1920-х гг. небольшое финансирование поступало от общества «Старый Петербург». Планируя организовать весной 1924 г. семинарий, посвящённый Лесному, Безбах обратился за поддержкой в Комитет помощи общества «Старый Петербург», который взял на себя значительную часть расходов по организации, однако деньги Отделением так и не были получены. Согласно Положению об Отделении, принятому в 1925 г., средства должны были поступать в форме субсидий правительственных и общественных организаций, членских взносов и пожертвований, а также доходов, предусмотренных уставом Общества, и специальных ассигнований Общества, отпускаемых его Советом²¹. В 1929 г. специальная комиссия, состоявшая из представителей Райсовета и Районного отдела народного образования, обследовала работу отделения и составила акт с указанием сумм, поступавших в общество: «Главнаука – 200 руб. в год, от концертов – 438 р. 41 к., взносы от членов – 39 р. 50 к., продажа изданий – 44 р. 51 к., от Лесного института на издание книжки об институте – 400 р., от Наркомпроса на издательство – 300 р., Выбогский райсовет – 250 р., от Окрисполкома на летние полевые работы на перешеек – 1 375 р. Итого: 3 197 р. 42 к. Кроме того, в отделении имелся Кайгородовский фонд – 1 523 р. 78 к.»²².

Надо сказать, что 1928–1929 гг. были для Отделения, пожалуй, самыми удачными в финансовом отношении. Но и в это время вполне типичной оказывалась ситуация, когда та или иная организация официально выделяла ассигнования на работу, но впоследствии либо вычёркивала эту статью расходов, либо просто не переводила указанную сумму. В 1930 г. П.Н. Столпянский, занявший в это время пост председателя общества «Старый Петербург – Новый Ленинград», писал: «[1] Выбогский райсовет выдал 250 руб. и обещал выдать в течение 1929–1930 г. 1 000 руб., но обещание не выполнил. 2) Неоднократно при утверждении бюджета Райсовета председатель Райсовета отказывался включить заявку Общества в смету. 3) Особая комиссия Райсовета, обследовавшая деятельность Общества, постановила на особый ударный квартал ассигновать 500 руб. Эта ассигновка была вычеркнута за неимением средств и это делалось Райсоветом в тот момент, когда на одни украшения к Октябрьским дням (украшения очень неудачные) было отпущено более 30 000 р.»²³.

В первые годы деятельности Общества всех его участников интересовала прежде всего история района. Именно поэтому реорганизация в Отделение об-

¹⁹ Там же, д. 6, л. 69 об.; д. 89, л. 1; д. 4, л. 50.

²⁰ Там же, д. 6, л. 40б.

²¹ Там же, л. 201.

²² Там же, д. 4, л. 53.

²³ Там же, л. 78.

щества «Старый Петербург» в северных окрестностях, произошедшая в июне 1923 г., представлялась всем его членам совершенно естественной: «Лесной в сущности невелик и работа в нём была бы слишком узкой и маленькой, а в то же время вся заречная часть города не имеет ни людей, ни организаций, которые заботились бы о тех памятниках старины и искусства, которые находятся в этом районе. Вновь образованное отделение взяло районом своей деятельности все северные окрестности старого Петербурга... Эти окрестности охватывают всю местность за Невой к северу от Петрограда, включая Выборгскую сторону с Охтой и кончая Старой Деревней. На север мы границы точно не обозначили, но считаем, что районом нашей деятельности, если бы пришлось поднять этот вопрос, можно было бы считать и Удельную, и прилегающие к ней Озерки, Шувалово вплоть до Парголово. Таким образом, район получился довольно обширный, и в этом районе нам предстояло развить ту деятельность, которую развивает Общество Старый Петербург в самом городе»²⁴.

Официальная формулировка цели Отделения регулярно воспроизводилась в его квартальных отчетах: «Изучение, популяризация и художественная охрана Северных окрестностей Петербурга»²⁵. При этом описание задач Общества строилось вокруг понятия «район», а не сферы его деятельности. С точки зрения как его членов, так и представителей других организаций, включая городскую администрацию, партийные органы, а также руководителей общества «Старый Петербург», для того, чтобы быть «краеведческой» организацией, Отделению необходимо было «курировать» определённый район, занимаясь сбором и пропагандой любых материалов, связанных с выбранной территорией. Слово «край» не встречается в документах первой половины 1920-х гг., а понятие «район» в это время ещё не соотносилось с какой-либо административно-территориальной единицей. Только в Положении 1925 г. упоминается Выборгский район Ленинграда: «Отделение общества “Старый Петербург – Новый Ленинград” в северных окрестностях является самостоятельной частью общества и действует в пределах Выборгского района и прилежащих к нему местностей»²⁶.

Деятельность Общества, как предполагалось, должна была охватывать все стороны жизни района. Согласно официальному отчёту 1923 г., она проходила в следующих направлениях: «1. Изучение своего района. 2. Популяризация идей Общества среди населения района. 3. Привлечение новых членов в состав Отделения; 4. Расширение и пополнение Музея северных окрестностей города»²⁷. Более полно области работы были оговорены в Положении 1925 г.: «а) Изучение прошлого своего района и памятников его, имеющих историко-художественное значение. б) Изучение революционного прошлого района, всегда по своему рабочему населению, бывшего [нрзб.] революционного движения. в) Изучение природы района, её влияния на особенности занятия населения. г) Охрана историко-культурных и художественных памятников в районе. д) Расширение и пополнение коллекций принадлежащего Отделению Музея северных окрестностей Ленинграда. е) Содействие новому строительству в районе; согласование с историческими и климатическими особенностями местности планов застройки района. ж) Популяризация идей Общества среди широких масс населения.

²⁴ Там же, д. 9, л. 1.

²⁵ Там же, д. 6, л. 35.

²⁶ Там же, л. 200.

²⁷ Там же, д. 6, л. 7.

з) Вовлечение широких масс населения в работу по изучению и охране старого города и рациональному строительству нового города»²⁸.

В одной из инструкций для членов Общества говорилось, что «члены-корреспонденты выбирают какой-то участок района и наблюдают за ним, собирают материалы для Музея»²⁹. На практике Общество занималось организацией лекций и экскурсий, сбором материалов и чтением памяти знаменитых лесовцев и событий, связанных с историей Лесного. В 1923 г. был устроен семинар, посвящённый 120-летию юбилею Лесного института, в 1924 г. – чтения и выставка в связи со 125-летием рождения А.С. Пушкина, а также чтения памяти Д.Н. Кайгородова, в 1925 г. Общество провело мероприятия, посвящённые 100-летию со дня дуэли флигель-адъютанта Новосильцева с членом Северного тайного общества Черновым.

Однако основная сфера деятельности по-прежнему касалась изучения истории Лесного. «Забота о памятниках старины и искусства», находящихся в районе, составляла главный интерес всех активных членов Общества. Приведу отрывок из письма, отправленного Безбаху в июле 1923 г.: «Серёжа, вчера случайно открыл хорошее старое имение (быв. Брылкино), сейчас оно принадлежит Выборгскому райисполкому назыв. “Совхоз Кюлиятка”. В этом имении когда-то был исполком, стояли солдаты и т.д. Так что оно порядком попорчено, но имение оч[ень] и оч[ень] интересное, дом в стиле empire, знаете, совсем как декорация к Евген[ию] Онегину. Сегодня целый день читаю Пушкина. Но дело не в этом, очень прошу Вас, поговорите с Руэром Алекс. Ив. Расскажите ему про имение и попросите его переговорить с Моисеевым председ[ателем] Выборг[ского] исполкома, пусть последний даст Вам разрешение на передачу коллекции, портретов хозяев имения, старинных картин, остатков библиотеки и дневники, написанные 150 лет тому назад; все типы, работающие в Совхозе, весьма некультурны и никак не могут понять на что может быть пущен дневник: “Там только про любовь пишут. Вам он для детей не нужен”, и они наверно усердно читают его сами»³⁰.

В 1924–1925 гг. Общество пыталось активно осваивать новые направления – изучение быта рабочих и создание Отдела революционного движения в Выборгском районе³¹. Тем не менее основной интерес его действующих членов по-прежнему заключался в дореволюционной и легендарной истории северных окрестностей Петербурга. Помимо описания старых архитектурных сооружений и попыток сохранить оставшиеся в них вещи, сотрудники Общества также собирали памятные доски с именами лиц императорской фамилии, изымаемые из церквей³². И даже обосновывая создание в Отделении весной 1924 г. Комиссии по благоустройству, планировке и застройке Выборгского района, Безбах объясняет её значение необходимостью развития нового города «в соответствии с ценными памятниками старого»³³.

²⁸ Там же, л. 200–201.

²⁹ Там же, л. 117.

³⁰ Там же, д. 15, л. 6. Подпись в письме неразборчива. Из других документов, хранящихся в том же деле, известно, что Безбах направил соответствующий запрос в Выбогский райисполком, который разрешил изъятие вещей из бывшего имения Брылкиных.

³¹ В конце 1925 г. специальная группа членов Отделения работала над изучением быта рабочих завода «Русский дизель» (ЦГАЛИ, ф. 296, оп. 1, д. 6, л. 156), тогда же была подготовлена выставка «Выбогский район, его роль в революционном движении, жизнь и быт за 10 лет Революции» (Там же, л. 156 об.).

³² Там же, д. 15, л. 89, л. 147; д. 6, л. 87.

³³ Там же, л. 5 об.

Архивные дела Общества изобилуют письмами в различные инстанции Ленинграда и Москвы с просьбой о выделении средств. Безбах пытался договориться и об отдельном помещении для Музея северных окрестностей, идеальным вариантом для которого была Новосильцевская усадьба. При всей скудости реальной финансовой поддержки Общество поначалу постоянно получало одобрение со стороны различных государственных структур. И Выборгский райсовет, и Главнаука признавали его деятельность важной и необходимой, а также включали в бюджет ассигнования на его финансирование, хотя и редко доходившие до Общества. Более того, летом 1926 г. Выборгский райисполком все-таки принял решение о передаче Отделению помещения Новосильцевской усадьбы (впрочем, после протестов жильцов бывшей усадьбы это решение было отменено)³⁴.

Однако осенью 1926 г. в отношениях Общества с официальными властями произошёл кризис. 8 октября 1926 г. Административный отдел Ленинградского губернского исполнительного Комитета Советов Рабочих Крестьянских и Красноармейских депутатов (АОЛГИ) отказал Отделению в ежегодной регистрации. Извещение об этом решении было предельно лаконичным: «АОЛГИ, рассмотрев положение об Отделении общества “Старый Петербург – Новый Ленинград” в Северных окрестностях, представленное для утверждения и регистрации, сообщает, что вышеназванное Отделение, наряду с существованием самого Общества, не является необходимым, почему в утверждении Отделения вам отказано»³⁵. Отказ в регистрации был для всех членов Общества совершенно неожиданным, и Безбах попытался выяснить, что именно стало его причиной. Он сделал акцент на том, что «Отделение, непрерывно работающее с 1923 года в Выборгском районе и северных окрестностях Ленинграда, ставит себе чисто краеведческие задачи, вследствие чего несколько отличается от центрального общества “Старый Петербург – Новый Ленинград”, являющегося главным образом организацией, изучающей город с точки зрения архитектурно-художественной»³⁶. В ответ АОЛГИ пояснил: «Устав Отделения имеет целью чисто краеведческие задачи, о чём подтверждает также Центральное Бюро Краеведения..., а посему АОЛГИ полагает, что Ваша организация может существовать лишь как самостоятельное общество, ставящее себе задачей краеведение, либо влиться в Губернское общество краеведения. Существование же в одном городе, наряду с обществом “Старый Петербург – Новый Ленинград” Вашего отделения недопустимо, а потому предлагается Вам сдать устав, печать, штамп и все дела вашего отделения в АОЛГИ не позднее 30 сентября с[его] г[ода]»³⁷. Конфликт поставил Безбаха в тупик. Если до сих пор для того, чтобы быть краеведческой организацией, достаточно было иметь «собственный» район деятельности, то теперь этот критерий уже не работал: вдруг выяснилось, что краеведческие задачи не могут решаться в рамках общества «Старый Петербург – Новый Ленинград».

Как известно, во второй половине 1920-х гг. произошло усиление административного давления на общественные организации. Но всё-таки в 1926 г. ещё не было Академического дела, ещё не было издано «Положение об обществах и союзах, не преследующих целей извлечения прибыли», которое вызва-

³⁴ Там же, д. 37, л. 103–104.

³⁵ Там же, л. 196.

³⁶ Там же, л. 199.

³⁷ Там же, л. 202.

ло радикальное сокращение числа общественных организаций³⁸, ещё не было закрыто и само общество «Старый Петербург – Новый Ленинград». Из переписки с АОЛГИ было сложно понять, в чём именно заключались перемены в восприятии властями сути краеведческого дела. Безбаху предстояло самому найти решение этой головоломки. Он заверил АОЛГИ, что Отделением «немедленно будут приняты меры по реорганизации своей деятельности, согласно вашим указаниям»³⁹. Вскоре на заседании Бюро краеведения Северо-Западной области обсуждалось «Заявление Отделения “Старый Петербург – Новый Ленинград” о переорганизации его в краеведческую организацию». Тогда же было признано желательным присоединение Отделения к Ленинградскому обществу по изучению местного края⁴⁰. В декабре того же года Безбах обратился в секцию молодых краеведов Парголово-ской волости ЛОИМК с предложением объединения деятельности, и на заседании 11 декабря 1926 г. было решено «содействовать организации Отделения Ленинградского Общества Изучения местного края на Финско-Ладожском перешейке, где и надлежит сосредоточить всю научно-исследовательскую работу, имеющую местное значение»⁴¹. Таким образом, в результате смены институционального статуса, впрочем, ничуть не повлиявшей на финансовое благосостояние Общества, район его деятельности и формы работы кардинально изменились. Тот факт, что Общество больше не могло заниматься Ленинградом, а его объект был выведен за пределы города, представляется далеко не случайным.

Хотя впоследствии именно деятельность Гревса и Анциферова стала классическим образцом школы краеведения, материалы 1920-х гг. показывают, что «краеведение» понималось многими исследователями в то время как работа, проводимая за пределами города. Показательны в этом отношении слова Н.Н. Павлова-Сильванского, так характеризовавшего общие задачи краеведческой работы ЛОИМК: «Сотни лет Петербург–Ленинград был центром культурно-общественной жизни огромной страны, сотни лет из этого центра не только по всей России, но и по всему миру рассеивались научные работники и экспедиции, изучавшие далёкие страны, накапливавшие неоценимые сведения не только об отдалённых уголках России, но и об отдалённых странах мира... И тем не менее, приходится признать, что внимание учёных, работавших во всероссийском и мировом масштабах, по каким-то странным психологическим причинам сравнительно мало фиксировалось на своём, “местном” крае, специально на природе, социально-экономической жизни и истории того отдельного, маленького кусочка земли, который окружил Петербург–Ленинград и который носит название Ленинградской губ.»⁴². «Местный край» для Павлова-Сильванского – это не сам Ленинград, а «маленький кусочек земли» вокруг него.

Представление о том, что предметом краеведения является именно провинция, «глухие российские углы», было достаточно типичным для 1920-х гг.⁴³ Проявилось оно и в документах Общества в Лесном. В отчёте 1925 г. Безбах писал: «Т.к. район деятельности Отделения не богат ценными памятниками

³⁸ Ильина И.Н. Общественные организации России в 1920-е годы. М., 2001. С. 56.

³⁹ ЦГАЛИ, ф. 296, оп. 1, д. 37, л. 205.

⁴⁰ Там же, л. 229.

⁴¹ Там же, л. 262.

⁴² Павлов-Сильванский Н.Н. Цели и задачи сборника // Труды Ленинградского Общества изучения местного края. Т. 1. Л., 1927. С. 5–10.

⁴³ Подробнее см.: Мельникова Е.А. «Сближались народы края...». С. 228–231.

искусства и несмотря на близость к городу более походит на провинциальный городок, т.к. населяют его с давних пор гл[авным] обр[азом] рабочие и мелкие служащие, то Отделение главной своей целью поставило изучение быта населения: собирание предметов, его характеризующих, а также популяризацию среди широких масс района идей, проводимых Обществом»⁴⁴. Район работы Общества вполне отвечал в первой половине 1920-х гг. критериям «провинциальности»: удалённый от городского центра как в пространственном отношении, так и по типу застройки (здесь до революции в основном были дачи), заселённый «низшими» сословиями, лишённый «ценных памятников искусства». Лесное в это время было не Ленинградом, а лишь его «окрестностями». И Отделение, которое занималось его изучением, было достаточно «краеведным», пока сам район считался достаточно «провинциальным».

Вытеснение объекта изучения Общества за черту города объясняется и ещё одним обстоятельством. В первой половине 1920-х гг. сферы краеведческой работы не были чётко определены ни инструкциями ЦБК, которые имели рекомендательный характер, ни какими-либо указаниями административных органов, ни тем более программными публикациями в ведущих изданиях, где на протяжении всего этого десятилетия продолжалась полемика о том, чем именно следует заниматься краеведам. На практике же Общество, несмотря на заявление Безбаха о том, что район «не богат ценными памятниками искусства», занималось в первую очередь их поиском и сохранением. Основная деятельность Отделения в 1923–1926 гг. в полной мере отвечала задачам общества «Старый Петербург», направленным на сохранение дореволюционного наследия города. Однако краеведческими эти задачи, как оказалось, могли считаться только до 1926 г.

После того, как Общество стало Отделением ЛОИМК на Финско-Ладожском перешейке, формы его деятельности изменились. В 1927 г. была создана культсекция, одним из направлений работы которой стало проведение публичных концертов. Среди членов Общества появилось значительное число артистов театра оперы и балета, преподавателей и студентов консерватории, музыкантов. В штате открылась должность «ведущего культработой», а само Отделение постоянно фигурировало в конце 1920-х и начале 1930-х гг. в качестве организатора концертов в различных городах СССР⁴⁵. Второе направление «культпросветработы» Отделения было связано с реализацией в музее этнографических программ. В 1927 г. Общество заявило об организации цикла вечеров-концертов «Страны и народы»⁴⁶. В служебной записке, направленной в культотдел Ленинградского губпрофсовета, говорится о том, что «Отделение ЛОИМК на Финско-Ладожском перешейке в порядке своей плановой краеведческой музейной и культурно-просветительной работы и в целях ознакомления рабочих организаций с бытом, эпохой и изобразительным искусством народностей, населяющих Финско-Ладожский перешеек, и прочих народностей Союза ССР и иностранных государств, проводит серию научно-показательных литературно-художественных вечеров-концертов, сопровождаемых научными докладами. Устройством подобного рода вечеров Отделение поставит на желательную высоту работу своего музея “Северных окрестностей Ленинграда”

⁴⁴ ЦГАЛИ, ф. 296, оп. 1, д. 6, л. 2.

⁴⁵ Так, в декабре 1927 г. концерт ансамбля Отделения был проведён в Ташкенте. От имени Отделения проводились выступления артистов в Вологде, Ульяновске и других городах.

⁴⁶ ЦГАЛИ, ф. 296, оп. 1, д. 47, л. 2.

и поднимет научно-просветительное значение краеведческого музея»⁴⁷. Как практически были организованы эти мероприятия, судить сложно, однако их программы, сохранившиеся в делах Отделения, свидетельствуют о том, что в 1927–1928 гг. они были посвящены далеко не только Финско-Ладожскому перешейку. Были организованы (или предполагались к организации) концерты «Белорусский край и песня, музыка народа», «Народная бытовая инсценировка украинского народа поэзия (песня, музыка)», «Кавказ и его народная поэзия (песня, музыка и танец)», «Финско-Эстонский фольклор», а также цикл вечеров русского народного творчества⁴⁸.

Включение концертной деятельности в число основных направлений работы Отделения было связано с целым рядом обстоятельств. Это и требования по усилению просветительской деятельности краеведческих обществ, и финансовые трудности, с которыми по-прежнему сталкивалось Отделение, и появление в Обществе человека, предложившего решить эти трудности с помощью организации концертов. Таковым стал Николай Михайлович Греков – типичный представитель советских деятелей 1920-х гг., известных во многом благодаря образу Остапа Бендера⁴⁹. Согласно анкете, он родился в 1893 г., был управляющим конторой кооперативной артели «Красный проводник». В графе «социальное положение до октября 1917 г. и происхождение» Греков указал «казак». В 1927 г. он стал членом президиума Отделения, «ведущим культурной работой»⁵⁰, автором и организатором ряда этнографических программ. Не ограничиваясь ими, Греков активно занялся проведением творческих концертов различных деятелей искусства. Наиболее яркая история, характеризующая эту деятельность, произошла в 1928 г.

В январе 1928 г. Греков организовал в Ленинграде серию концертов совместно с Выборгским райкомом Международной организации помощи борцам революции (МОПР). Безбах дал согласие в связи с полным отсутствием средств на содержание Общества. Грекову не удалось договориться с МОПР, но концерты согласился финансово поддержать Осоавиахим. Греков также договорился о проведении «большого концерта силами Московских артистов» в помещении Академической филармонии. Планировалось, что в нём примут участие К.С. Станиславский, М.А. Чехов и др. Кроме того, он отправился в Москву с целью устроить там выступление ленинградских артистов. Вернувшись оттуда, Греков сообщил, что ему удалось встретиться с А.В. Луначарским, рассказать о бедственном положении Отделения и договориться о поддержке постановок и проведении концерта в Колонном зале Дома Союзов на очень выгодных условиях, и Безбах согласился на их организацию. Концерт в Ленинграде был назначен на 25 февраля, в Москве – на 11 марта. Греков опять поехал в Москву, теперь уже для переговоров с артистами. Но договориться с артистами из запланированного состава не удалось, а имена артистов, согласившихся участвовать, как сообщил Безбах Грекову, в Ленинграде неизвестны, и «концерт может не дать сбора». Осоавиахим, узнав о составе исполнителей, отказался от участия в мероприятии и потребовал возврата полученных Грековым на устройство концерта 200 руб. Билеты продавались плохо, и концерт был отменён. Московский концерт также отменили, после чего Греков поехал

⁴⁷ Там же, л. 17.

⁴⁸ Там же, л. 7–8 об.

⁴⁹ См.: Fitzpatrick S. The World of Ostap Bender: Soviet Confidence Men in the Stalin Period // Slavic Review. 2002. Vol. 61. № 3. P. 535–557.

⁵⁰ ЦГАЛИ, ф. 296, оп. 1, д. 39, л. 16.

в Смоленск и Брянск организовывать вечера с участием артиста Пирогова. Спустя некоторое время Безбах получил из Смоленска телеграмму с просьбой оплатить его обязательство по организации концерта (80 руб. 25 коп.). Греков вернулся в Ленинград 30 марта, сообщив, что все выданные ему деньги израсходованы.

Пересказав в официальном заявлении все эти события, Безбах тем не менее указывал на заслуги Грекова, заключавшиеся «в том, что он помог частично Отделению окрепнуть и развить работу», и предлагал не выносить дело в суд, а взыскать все суммы с Грекова и передать их кредиторам⁵¹. Насколько можно судить по имеющимся материалам, деньги так и не были возвращены, а в 1929 г. Безбах всё ещё получал извещения с требованием вернуть долги по организации провалившихся концертов. Между тем в декабре 1928 г. Греков подал в Отделение заявление с предложением вернуться к работе по организации концертов, обещая нести личную ответственность за возможные убытки. Судя по другим документам, он получил такую возможность⁵².

История с Грековым показывает всю абсурдность положения Общества на рубеже 1920–1930-х гг. Оказавшись в стороне от привычной работы по сохранению петербургского наследия и не имея средств, Безбах согласился на участие в мало ему понятной концертной деятельности, предоставив полную свободу авантюристу, напоминающему персонажей Ильфа и Петрова. Но при всей своей нелепости, этот случай не был просто курьёзом. Организация творческих вечеров и концертов прекрасно вписывалась в общую программу по изменению роли музеев и превращению их в центры просвещения и пропаганды, обозначенную в 1927–1928 гг. Главполитпросветом. Да и сами активные члены Общества видели в этой деятельности «прямое продолжение работы музея»⁵³. В заметке, озаглавленной «Оживление деятельности музеев» и отправленной в «Известия ЦБК» в мае 1927 г., всё тот же Греков писал: «Систематическое устройство таких этнографических, литературно-художественных вечеров, изображающих эпоху, быт и наиболее отличительные виды изобразительных искусств данной народности, поставит на желательную высоту работу музеев, внесёт оживление в их деятельность и поднимет их научно-просветительное значение»⁵⁴. Концерты, которые проводились не только в крупнейших залах страны, но и на клубных площадках, на фабриках и заводах, становились неотъемлемой частью краеведческой работы.

Параллельно с организацией культмассовой работы, Отделение ЛОИМК на Финско-Ладожском перешейке в конце 1920-х гг. активно сотрудничало с ленинградскими этнографами. Уже в 1927 г. Безбах пытался договориться об организации совместных экспедиций с Ленинградским обществом изучения культуры финно-угорских народов (ЛОИКФУН)⁵⁵. В 1929 г. на заседаниях Отделения неоднократно обсуждался вопрос о взаимоотношениях с ЛОИКФУН, был даже подготовлен проект сотрудничества, предполагавший совместную исследовательскую работу, права собственности на материалы и места их хранения⁵⁶. Однако этот вопрос, судя по всему, так и не получил формального раз-

⁵¹ Там же, д. 47, л. 24–27 об.

⁵² Там же, л. 39.

⁵³ Там же, д. 57, л. 116.

⁵⁴ Там же, д. 47, л. 2.

⁵⁵ Там же, д. 65, л. 20, 21; д. 57, л. 72.

⁵⁶ Там же, л. 307.

решения. Тем не менее в июне 1929 г. окружной исполком выделил Отделению средства на летние работы, часть которых направлялась на «экономико-этнографическое и молочно-хозяйственное обследование Куйвазовского района». Это дело взяли на себя выпускники Этнографического отделения географического факультета Ленинградского государственного университета М.Д. Торэн и Е.Р. Лепер⁵⁷, вошедшие в состав членов Отделения. В результате экспедиции было сделано около 200 фотографий и привезено больше 150 экспонатов, подготовлены рукописи Торэн «Крестьянское молочное хозяйство в Куйвазовском и Парголово-мском районах Ленинградского округа» и Лепер «Земледелие в Куйвазовском и Парголово-мском районах Ленинградского округа», «Крестьянские постройки на Финско-Ладожском перешейке» и «Ткачество у крестьян-финнов перешейка»⁵⁸. В 1929 г. под грифом Отделения на Финско-Ладожском вышла небольшая публикация о Куйвазовском районе⁵⁹. В те же годы среди членов Общества появляются жители области, причём на оборотах их анкет в этих случаях часто содержатся пометки, касающиеся возможности их использования в качестве информантов для этнографической работы⁶⁰. Активное сотрудничество этнографов с Обществом продолжалось и в 1930–1931 гг. Летом 1930 г. было произведено обследование финской коммуны «Труд»⁶¹.

Однако к 1931 г. положение Отделения резко ухудшается. К этому времени оно стало самостоятельным – Ленинградское Общество по изучению местного края было закрыто в 1929 г., а появившееся на его месте Ленинградское окружное общество краеведения – в 1930 г. Средства на работы окончательно перестали поступать, а Музей северных окрестностей, существовавший с февраля 1928 г. на базе Педагогического музея Выборгского района, был реорганизован и стал музеем Выборгского района. После 1931 г. прекратились экспедиционные работы Общества. В 1934 г. Безбах стал научным сотрудником I разряда Политпросветотдела Института Антропологии и Этнографии (ИАЭ) АН СССР⁶². Его появление в ИАЭ, вероятно, было следствием знакомства с Торэн, Лепер и Азадовским, который в 1930 г. вернулся в Ленинград и в 1933 г. возглавил фольклорную секцию ИАЭ. Впрочем, в Институте Безбах проработал не более года, уйдя «в виду невозможности совместить свою научно-исследовательскую краеведческую работу с регулярной работой в ИАЭ»⁶³.

Поворот в сторону этнографии, произошедший в конце 1920-х гг., был достаточно типичным для краеведческих обществ первого советского десятилетия. Хотя этнографическая работа нигде не определялась в качестве обязательной для краеведа, а этнографические экспозиции не считались неотъемлемой частью краеведческих музеев, для многих провинциальных обществ 1920-х гг. именно этнография стала основной сферой деятельности. Целый ряд признанных впоследствии этнографов начинал свои занятия этнографией, работая в краеведческих музеях, куда также нередко направлялись первые выпускники этнографических отделений вузов.

⁵⁷ Там же, д. 39, л. 132, 148.

⁵⁸ Там же, д. 80, л. 37.

⁵⁹ Куйвазовский район Ленинградского округа (краткая характеристика). Выставка работ по изучению Куйвазовского района. Л., 1929.

⁶⁰ ЦГАЛИ, ф. 296, оп. 1, д. 39, л. 145, 147.

⁶¹ Там же, д. 4, л. 75–75об.

⁶² Архив Российской академии наук, ф. 4, оп. 4, д. 2786, л. 1.

⁶³ Там же, л. 14. После увольнения из ИАЭ Безбах работал в средней школе № 38 Выборгского района (Там же, л. 16).

Сбор этнографических материалов краеведческими музеями и обществами определялся их связью с национальными движениями в регионах⁶⁴. С другой стороны, именно этнография открывала перед местными учёными ресурсы локального своеобразия в тех случаях, когда край не был «богат ценными памятниками искусства». В этом смысле показательно объяснение задач финна-краеведа, данное председателем ЛОИКФУН В.А. Егоровым в брошюре 1927 г.: «Краеведение есть изучение определённого района, края, изучение всестороннее, массовое. Цель его самая практическая – использовать естественные производительные силы края на благо населения. Финское краеведение есть изучение края, населённого финским (точнее финно-угорским) населением, и имеет свои особенности. Финны, ведущие краеведческую работу, не должны просто повторять в своём районе всё, что делают краеведы русских и иных районов по всему СССР. В каждом краю естественно искать того, что в нём наиболее ценно и интересно. В финских районах (имеем в виду нашу Ленинградскую губернию) нет ничего особо достопримечательного по части природы. В этом отношении “финский рыболов, печальный пасынок природы”, ничем Европу не удивит. Следует обратить внимание на ту сторону дела, которая обещает лучшие и большие результаты; на те задачи, которые лучше всего исполнимы именно местными финнами-краеведами. Такая задача – изучение самих себя, т.е. финнов различных племён»⁶⁵.

Сближение краеведения и этнографии определялось также типологической близостью понятий «край» в значении «район работы краеведческого общества» и «этнографическое поле» как «место сбора этнографических материалов», которое уже стало в то время центральным для этнографии⁶⁶. Качество «поля» в российской этнографии, как и в Европе, оценивалось в терминах территориальной удалённости, труднодоступности и неподверженности урбанистическому влиянию⁶⁷. В Европе эти критерии указывали в основном на колониальные территории, в России же применялись к внутреннему пространству. Комплектование этнографических фондов происходило за счёт либо малых народов, либо (в случае русских коллекций) крестьян. Понятия «провинция», «край» и «поле» были в этом смысле очень близки. По мысли Л.Я. Штернберга, этнография «отыскивала и продолжает отыскивать самые отдалённые участки земли, чтобы занести в свои списки человечества всё, что носит название человек»⁶⁸. «Край» же для многих краеведов и был тем самым «отдалённым участком земли», который надлежало занести в списки человечества. Совпадение границ «края» краеведа и «поля» этнографа было в этих условиях вполне предсказуемым.

⁶⁴ См. подробнее: Мельникова Е.А. «Сближались народы края...».

⁶⁵ Егоров В.А. Начальная задача финна-краеведа в СССР. Ленинградское общество исследователей культуры Финно-Угорских Народностей (Труды Краеведческой Комиссии. Вып. 1). Л., 1927. С. 3.

⁶⁶ Арзютов Д.В. Полевые программы Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораза: от концепции поля к категоризации этничности // Лев Штернберг – гражданин, учёный, педагог. СПб., 2011.

⁶⁷ Шангина И.И. Русский фонд этнографических музеев Москвы и Санкт-Петербурга (История и проблемы комплектования. 1867–1930). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1997. С. 22. Об истории понятия «поле» в европейской и американской антропологии см.: Gupta A., Ferguson J. Discipline and Practice: «The Field» as Site, Method, and Location in Anthropology // *Anthropological Locations. Boundaries and Grounds of a Field Science*. Berkeley, 1997. P. 1–46; Clifford J. *Spatial Practices: Fieldwork, Travel, and the Disciplining of Anthropology* // *Ibid*. P. 185–222.

⁶⁸ Цит. по: Станюкович Т.В. Л.Я. Штернберг и Музей Антропологии и Этнографии (К 125-летию со дня рождения учёного) // Советская этнография. 1986. № 1. С. 83.

В целом же история краеведческого общества в Лесном полна курьёзов и неожиданных поворотов, не укладывающихся в схему героического противостояния краеведов тоталитарному режиму. Люди, принимавшие участие в деятельности общества, делали это по разным причинам и руководствовались разными целями, зачастую далеко отстоявшими от задач, декларируемых в центральных краеведческих изданиях.

Важно подчеркнуть, что Петроградское/Ленинградское краеведение 1920-х гг. не было городским. Типичные краеведческие общества находились на окраинах города и выбирали районами работы его окрестности. Несмотря на значительное число публикаций, посвящённых региональным краеведческим центрам, довольно сложно сказать, насколько процесс их «выдавливания» на окраины города и за его пределы был типичным для того времени. К примеру, история московского краеведения, описанная Т.Д. Рюминой⁶⁹, скорее противоречит этому сценарию. Участники Общества изучения Московской губернии, созданного в 1925 г., занимались в первую очередь историей старой Москвы. Однако название этого общества и последующая история его переименований – в Общество изучения Московской области (1929 г.) и в Московское областное бюро краеведения (1930 г.) – говорят о том, что центральным понятием и в этом случае была провинция, а не сам город. Символично, что в краеведческий справочник 1930 г. включён только раздел «Московская область», сама же Москва в нём отсутствует⁷⁰.

Такие рамки предлагались советской властью, активно использовавшей краеведческую сеть в процессе административно-территориальной реформы. Но говорить о том, что они были навязаны краеведам «сверху», едва ли правомерно. Создававшиеся в 1920-х гг. местные общества всегда включали в свои названия термин «край»⁷¹ и, находясь, как правило, в городах, занимались далеко не только ими. Более того, изучение города, видимо, не считалось главным и непрямым условием занятий «краеведением». В письме членам Арзамасского краеведческого кружка представители Нижегородской археолого-этнологической комиссии рекомендовали «собирать этнографический материал, быстро исчезающий на наших глазах, изучать промысловую деятельность местного населения, историю колонизации края и местного землевладения»⁷². Понятие «местный» в данном случае едва ли относилось к жителям Арзамаса. Скорее речь шла о тех, кто живёт за пределами города. Стремление увязать идею сохранения культуры с необходимостью поиска этой культуры вне города часто приводило краеведов к сотрудничеству с этнографами. Этнографические секции были одними из самых распространённых в краеведческих обществах 1920-х гг. и создавались повсеместно как в самих обществах, так и в музеях.

⁶⁹ Рюмина Т.Д. Эволюция краеведения в России в конце XIX–XX веках: на материалах Москвы. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999.

⁷⁰ Краеведная работа в РСФСР. Краткие обзоры по областям (краям) и АССР. М., 1930.

⁷¹ Так, в Нижнем Новгороде в 1924 г. наряду с уже существовавшей Нижегородской археолого-этнологической комиссией было создано Научное общество по изучению местного края (Тамбовцева Н.Н. Историческое краеведение в Нижегородской губернии 20-х годов XX в. Дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2001. С. 38). В Вологде работало Вологодское общество изучения северного края, в Великом Устюге – Северо-Двинское общество изучения местного края (Смирнова М.А. Краеведческое движение на Европейском Севере России в 1921–1937 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2011. С. 96–97). Список можно легко продолжить.

⁷² Тамбовцева Н.Н. Указ. соч. С. 32.